

Ю. В. КОВАЛЕВ

Герберт Уэллс, Уинстон Черчилль и большевики

<Фрагмент>

<...>

Вопрос о России был для Черчилля вопросом о будущем капиталистического мира. Справедливость или ошибочность частных оценок и выводов Уэллса, касающихся положения в России и характера советской власти, были для него делом второстепенным. Опасность очерков Уэллса он видел в другом: писатель признал большевиков и требовал, чтобы их признали правительства западных держав. Уэллс призывал государства Европы и Америки оказать помощь России и тем самым содействовать укреплению власти большевиков. Этого Черчилль не желал допустить ни в коем случае. Уже тогда большевизм был для него частью мирового коммунистического движения, и само существование советской республики он воспринимал как пороховую бочку, подставленную под его министерское кресло и под все британское правительство. Свою задачу он видел не столько в том, чтобы опорочить суждения Уэллса о России и большевиках, сколько в том, чтобы дискредитировать идею коммунизма как таковую. Отсюда своеобразная логика его статьи. За пересказом основных выводов Уэллса следует не опровержение их, а краткое изложение собственной концепции общественного развития мира, не слишком оригинальной и несколько наивной.

Картина современного состояния общества представляется Черчиллю более чем удовлетворительной. Он не видит оснований тревожиться и концентрирует свое внимание исключительно на достижениях современного мира. Эти достижения по его мнению, —

результат «капиталистического производства и индивидуальных усилий», которые расцвели благодаря закону, охраняющим частную собственность. Черчилль видит в них главное условие материального прогресса, в его реальное основание — в стремлении человека к личному благополучию. Правда на протяжении веков параллельно системой «усилий свободного индивида» существовало рабство, слава Богу, а в 19 столетье мир избавился от него, и «даже русские крепостные получили свободу».

Таков был, согласно теории Черчилля, первый «гигантский шаг» на пути к освобождению человечества. Второй шаг — уничтожение сословных привилегий тоже почти завершён. Черчилль с нескрываемым самодовольством говорил о том, что лозунг «*la carrière ouverte bux talentse*», провозглашённый Великой французской революцией, был осуществлен в Англии без всяких революционных потрясений. Рядовые солдаты с легкостью становятся начальниками генерального штаба, уэльские бедняки — премьер-министрами и т. п. Таким образом была решена проблема индивидуальной свободы, все дороги — с низу до верху — открыты для достойных, талантливых и упорных.

Теперь (т. е. в 20 столетии) осталось лишь решить проблему «неудачников», лишенных таланта, трудолюбия и упорства. Они не сумели подняться к вершинам материального благополучия, но тем не менее общество должно прививать о них заботу. С точки зрения Черчилля, именно такое содержание вопросов трудоустройства и жизненного уровня многомиллионных масс. Решение этих вопросов есть главная задача современности. Она может и должна быть выполнена путем разумного использования колоссального богатства, накопленного благодаря развитию науки и человеческой предприимчивости. Так выглядит, в свете представлений Черчилля, развитие общества на протяжении последних столетий. Картина, как мы видим оптимистическая сулящая «золотой век» в ближайшем будущем.

Однако на пути к достижению «золотого века», говорит Черчилль, имеются серьезные препятствия, с которыми надлежит бороться самым беспощадным образом. И далее он переходит к рассуждению о «негативных силах», возникающих в ходе общественного прогресса. Это и есть главная часть его статьи, изложенная в разделах «Равенство голодных» и «Питайте рак».

На дне больших городов Европы и Америки, говорит Черчилль, существует секта людей, которым отвратительны изло-

женные выше идеи, касающегося материального и духовного процесса. Они считают, что собственность — это преступление, патриотизм — глупость, а религия — самообман. Их мысли направлены не к благополучию любого данного индивида, а к отрицанию большого благополучия для всякого другого индивида. Идеал, к которому они стремятся, — абсолютное и постоянное равенство при любых обстоятельствах. Пусть лучше будет мир одинаково голодных рабов, чем неодинаково процветающих свободных людей. Их доктрина черпает силу и энергию в неизжитой еще нищете и непреодоленной несправедливости, сопряженной с жизнью больших групп населения, особенно в крупных городах. Членами этой секты владеет самая жестокая независимость. Время от времени они бросают бомбы или убивают выдающихся деятелей, но главным образом они сидят, затаившись, и ждут своего часа. Кто же они? Они — марксисты, большевики.

На этой любительской «концепции» Черчилль строит свое понимание событий в России. Он уподобляет марксизм развитию раковой опухоли. Рак, говорит он, это будет одной клеткой, которая начинает развиваться по злокачественным принципам и стремится подчинить этим принципам соседствующие с ней клетки. Здоровый организм блокирует повстанческую область и не дает ей распространяться. Но когда организм ослаблен, эти смертоносные разрушения начинают активизироваться и совершать свою фатальную работу. «Вот что произошло и все еще происходит в России, — пишет Черчилль. — Мы видим, как большевистский рак разъедает плоть несчастного организма; мы видим ужасное разрастание опухоли на теле несчастной жертвы. А гр. Уэллс, этот философический романтик, говорит нам, что рак — это единственное, что может спасти организм России, что мы должны питать и культивировать болезнь, ибо в конечном счете это всего лишь еще одна форма жизни; это — “новый социальный строй”. Зачем быть столь узколобыми и отличать здоровье от болезни? А тем более — добро от зла? Займите бесстрастную позицию. Если вам кажется, что болезнь победит ставьте на болезнь».

В этом собственно и заключается суть полемики наступления Черчилля и Уэллса. Уэллс говорит: только большевики могут вывести Россию из катастрофы, в которую ее ввергла приступная политика царизма и европейского империализма. Черчилль отвечает: большевизм — это рак, он окончательно погубит Россию. Уэллс говорит: советскому правительству необходимо оказать

помощь. Черчилль встает на дыбы: никоим случаем! Пусть погибнет Россия! Он видит лишь один выход «пусть большевики откажутся от коммунизма. Пусть они перестанут навязывать народ противоестественную систему, которая парализует человеческие усилия, но сужает источники предпринимательства и богатства. Дело немедленно пойдет на поправку». Но тут, видимо, Черчилль сам понял, что хватил через край и в силу формально-логической необходимости признал, что «тогда они (большевики. — Ю. К.) перестанут быть большевиками, перестанут быть коммунистами».

Черчилль, во что бы то ни стало, хочет «уговорить» читателя, внушить ему страх перед большевиками и отвращение к марксизму. Он развивает своеобразную теорию о причинах голода в России, произвольно толкуя общественные факты и приписывая Уэллсу вещи, которых тот не говорил. Он привлекает либо свидетельство, вплоть до дневника своей племянницы, г-жи Шеридам, которая побывала в России несколько раньше уэллса. Черчилль ссылается на запись, сделанную ею после поездки на рынок, которую она совершила в сопровождении М. М. Литвинова. Г-жа Шеридам воспроизводит слова Литвинова, произнесенные при виде толпы спекулянтов: «Мы прикроем все это, как только у нас будет немного больше товара». Для Черчилля эти простые и разумные слова звучат как знаменитое изречение Блюхера, впервые увидевшего Лондон: «Прекрасный город, есть что разграбить». В опасении знаменитой Сохаревиц Черчилль видит «деловую, активную сцену жизни, почти оживленного весельем, так контрастирующую с мрачной неподвижностью и депрессией, которые господствовали во всех остальных частях Москвы».

<...>

